

Что определяет, будешь ты жалеть о прожитой жизни, лежа на смертном одре, или примешь смерть с достоинством, понимая, что сделал то, что нужно, и жил не зря?

Это правильный вопрос. Особенно, если смерть ходит близко, заглядывает тебе в глаза и обещает скоро забрать.

Жалею ли я о том, как жил? Сделал ли я то, что должен был?

Да, жалею. Да, сделал. Но этого оказалось мало.

За нами пришли. Нагрянули внезапно и стремительно, без предупреждения. Сначала избавились от отца, подловили вне дома. Это был страшный удар по семье. Потом умерли два его брата. Когда они поехали на место смерти отца, их закидали трупами, но добились своего.

Жестокая расправа стала всем нам уроком. Вся семья собралась в доме. Но кто остался? Дед, что хоть и был силен, но его время давно прошло. Да я, самый старший из сыновей. Остальные максимум подростки. Они тоже взяли оружие, тоже дрались до последнего, но разве это хоть что-то значит против матерых волкодавов?

Дед доказал, что его время хоть и вышло, но сила с ним. Я уважал старика. В ту ночь он продемонстрировал то, чему учил меня.

Готовность идти до конца путем воина. Он забрал большую часть тех, кто пришел за нами. Передушил, как котят, одного за другим.

Но и его достали. А потом за дело принялся я. Думал, что отбил, прикончив остатки боевой группы. Наивный. Когда первая группа кончилась, в ход пустили вторую. Нас собирались задавить любой ценой.

До опыта и силы деда мне лет пятьдесят ещё, но и я кое-что умел. Это кое-что — следствие школы подготовки, которую наш род оттачивал столетия.

Я стал мечом рода. Карающей дланью.

Когда увидел смерть деда, когда осознал, что кроме меня больше некому защитить тех, кто сзади, когда понял, что нас всё равно убьют и что последнее, что остается — это уйти достойно...

Я сыграл свою лучшую песню, станцевал со смертью. Боги видели меня и хлопали в ладоши.

Семнадцать врагов. Столько я убил перед тем, как меня подловили.

Да кто — те, кто затеял это. Не побоялись сами прийти, чтобы завершить начатое. Против слаженного удара у меня не было и шанса.

Но я выжил. Или мне позволили остаться в живых.

Оставили, как пример остальным. Отрубили ноги и руки, сделали инвалидом, а потом прижгли раны, чтобы не истек кровью. После чего вошли в дом.

Где их встретила моя сестра. Обвязанная взрывчаткой, она затаилась и прыгнула на головы врагов. Двое успели защититься, но третьего дерзкая девчонка забрала с собой в могилу. Твоя смерть не была напрасной, милая. Ты достойна своего рода.

А потом была бойня.

Я лежал, умирал и не услышал ни одного крика. Пусть даже дети, но в них текла кровь нашего рода. Они умерли с достоинством. Не доставили врагу удовольствия своим страхом.

С того кровавого мига прошло неизвестно сколько времени. Сложно считать, если лежишь в коме. Единственное, что доступно — это пребывать в своём разуме, прокручивая раз за разом короткую, но насыщенную жизнь, подходящую к концу.

Я не завел семьи, не оставил детей и даже не знаю, радоваться этому или жалеть. Какой был смысл, если всех убили? Но сейчас, когда смерть так рядом, мне почему-то это казалось важным.

Столько сил было вложено, чтобы стать достойным наследником... Я никогда не щадил и не жалел себя. С раннего детства мою жизнь заполняли тренировки. Дед стал учить, как только я начал ходить.

Из меня ковали верное оружие. Как делали с каждым в нашем роду.

Оружие грозное, которое так боялись враги. Но они смогли переступить через свой страх. Силы оружия не хватило, чтобы защитить дом.

Поэтому я делал то, что должен был, но этого не хватило.

От чего хотелось выть. Но тело парализовано, я лишь косвенно ощущал, что происходит вокруг.

Чувствовал энергетику тех, кто приходил. Видел, как заходили Враги. Слышал, что они говорят. Что сделали меня наглядным пособием для остальных. Что все уничтожены из моего рода. Как же я их ненавидел!

Но Враги пришли лишь один раз. В остальных случаях ощущались только врачи, которым был наказ — поддерживать во мне жизнь как можно дольше.

Но недолго осталось. Я чувствовал, что разум постепенно угасает. Начались галлюцинации. Я как будто смотрел кино про странный мир.

Там были те, кто повелевал магией. Они сражались друг против друга. Видел великие битвы, но по большей части наблюдал один и тот же сюжет.

Судьбу одного мальчика. У него тоже была семья. Они жили дружно, отец пытался учить ребенка, но тот не прикладывал особых усилий, любил отлынивать от обязательств. Как мне кажется, отец его слишком любил.

Постепенно я заинтересовался этими сценами из жизни чужой семьи. Был им благодарен, потому что они отвлекали от собственной трагедии.

Прошел месяц, второй, образы приходили всё чаще, и я ощущал, что конец близок. Но внезапно видения изменились.

Я увидел, как на родных мальчика напали и убили. Его отца, братьев и сестер. Как в их дом пришли люди, как они обрушили гнетущую магию и уничтожили почти всех.

Мать ребенка и сам мальчик спаслись. Остальные умирали, чтобы дать им фору. Они пытались бежать, их преследовали. Погоня закончилась на заброшенном мосту. Почему-то там никого не было, чтобы прийти на помощь.

Женщина пыталась защитить ребенка, тот потерял сознание, она прикрывала его тело собой. К ней подошел мужчина, в его руке сформировалось острое копье, что пылало приближающейся смертью.

Копье пробило и женщину, и мальчика, что был за ней.

На этом моменте картинка остановилась.

Она оставалась где-то рядом, но я ощутил чужое присутствие.

«Кто здесь?» — мелькнула мысль.

«Ты почувствовал меня, хорошо», — вторил ей ответ, что эхом раздался в моей голове.

«Кто ты?» — подумал я.

«Дух рода, который на грани уничтожения».

«Дух?»

«Бессмертный дух прадеда того мальчика, что ты видишь».

«Что ты тут делаешь?»

«Ищу того, кто исправит злодеяние».

«Исправит?» — мысли текли тяжело, я слабо понимал, что происходит.

«Да. Мальчик умер, но тело его ещё живо».

«А как тогда можно исправить?»

«Твоё тело мертво, но сам ты жив. Разве ответ не очевиден?»

«Почему я?»

«Я давно наблюдаю за тобой. Считаю, что я так развлекаюсь. Мог себе позволить, пока камень рода питали энергией. — В голосе сквозила горечь. — Я смотрел разные миры, твой род заинтересовал меня. Не находишь, что судьбы двух семей похожи? Трудно не заметить. Возможно, это знак. Возможно. Так хочешь ли ты принять судьбу мальчика? Хочешь ли возродить род? Хочешь ли отомстить убийцам? Возьмешь эту ношу на себя? Справишься?» — вопросы раздавались эхом внутри моего разума.

«А может, я хочу умереть?»

«Врешь. Ты хочешь мести. Не врагам моего рода, а врагам своего. Но я дам тебе силу».

«Какую?»

«Ты, что поможет тебе отомстить. Не сейчас. Быть может, ты не доживешь до этого. Быть может, скоро умрешь. Но я дам тебе потенциал. Выживи, и ты сможешь вернуться в свой мир. Если станешь сильным. Тогда месть и свершится».

«Звучит как сделка с дьяволом».

«Можешь называть меня как хочешь. Помнишь, чему учил тебя твой дед и отец? Нужно идти до конца. Твой путь кончен. Ты умрешь сегодня или завтра окончательно. Я даю тебе возможность продолжить твой путь. Согласен?»

«Речи твои сладки, но какая цена?»

«Цены нет. Признаюсь, ты мой последний шанс. Силы на исходе. Либо ты, либо конец. Для всех. Мальчик умрет, надежды умрут. Плохо. Да. Если согласишься, я пожертвую остатками себя, чтобы передать тебе Дар. Хранилище рода запечатано. У тебя будет полгода, пока силы действуют, потом враги захватят всё».

«Что за Дар?»

«Потенциал. Сам узнаешь, если выживешь. Решай».

«Я уже решил».

«Твое слово?»

«Я согласен. Ты прав, незнакомец. В моем роду не сдаются».

«Тогда — прими мою силу».

Вспышка боли. Душа отделяется от тела. Вместе с ней дух. Рядом я ощущаю, что присутствует дух незнакомца. Он больше моего. Гораздо. От его силы вибрирует пространство.

Я вижу своё тело со стороны. Обрубок. Оно умирает. Пищат приборы, бегут доктора.

Мимо проносится бесконечность пространств. Я оказываюсь на том мосту, рядом с телом мальчика. В нем едва теплится жизнь, его мать мертва.

Двое незнакомцев, чьи лица разрезали хищные улыбки, тащат тела к краю моста. Дух, что призвал сюда, стоит рядом.

Он разворачивает меня, и я оказываюсь между ним и телом мальчика, которое вот-вот полетит в воду.

В одну секунду происходит несколько событий. Чужой дух пронзает меня, жуткая боль затапливает душу, и вместе с ним, сплетаясь в нечто единое, я влезаю в тело мальчика. В этот самый миг его и меня, который стал им, отправляют в полет.

Последнее, что я ощутил перед тем, как провалиться во тьму, — касание ветра. А потом удар воды. Боль. Но боль не та, что я ощущал душой. Это была боль умирающего тела.

Глава 1

ЖИЗНЬ ВОПРЕКИ

В тот миг, когда тело мальчика сбросили с моста, я ощутил себя живым. Но краткий миг полета закончился ударом о воду и потерей сознания.

Если бы в тот момент я мог испытать чувство иронии, то наверняка посмеялся бы, что стоило умереть и ожить в другом теле, как смерть добралась до меня вновь и доказала, что от неё не уйти.

Но в тот момент мне было не до иронии. Я боролся за то, чтобы отложить свидание с костлявой. Её руки так рядом, но не сегодня.

Сознание вернулось, когда я плыл над кромкой воды. Кашель разодрал горло, легкие жгло огнем. Я задергался, от чего ушел обратно под воду. Тело отказывалось слушаться и сопротивлялось, не хотело отдавать контроль чужаку.

Но я боролся, перебирал руками и умудрился всплыть на поверхность. Течение поспешно уносило меня от злополучного моста. Я увидел его, когда в очередной раз развернулся, меня мотало потоком из стороны в сторону. Мост возвышался вдалеке, очертания расплывались, и блеснула надежда, что те, кто скинул мальчика сюда, не заметили, что он всё ещё жив.

В тот день мне явилось три чуда. Первое — когда незнакомый дух, существо, или как его ещё назвать, за-

брал меня из моего разрушенного тела и засунул в это. Едва живое, но способное ещё побороться. Второе — когда я мистическим образом смог очнуться на поверхности воды, а не захлебнулся и не отправился кормить водных тварей. Третье — кусок дерева, как спасательный плот, врезался в меня, и я из последних сил, цепляясь непослушными пальцами, схватился за него.

Нахлебался воды и снова закашлялся. Бревно едва держало над водой, оно хотело скрыться, я обхватил его покрепче и залез сверху в надежде, что не перевернусь. Вода холодная, дрожь пробивает меня, в глазах мутно. Вижу плохо, картинка размывается. Вокруг какие-то дома, их силуэты едва заметны, плывут очертания.

Как залез на корягу и качка успокоилась, тело решило, раз угроза миновала, то можно отключиться. Навалилась слабость, и я опять потерял сознание.

В следующий раз очнулся, когда кто-то касался меня. Сначала я ощутил чужое присутствие рядом, а потом сами прикосновения.

Открыл один глаз, второй отказался поддаваться. Солнце больно резануло, я попытался проморгаться и сфокусироваться на том, кто оказался рядом.

Взгляд встретился со взглядом мальчишки, что склонился надо мной. Это что за оборванец?! Что происходит и где я?!

Попробовал дернуться, мальчик резво отскочил, в его руке блеснул нож. Но попытка шевелиться кончилась плохо. Я едва дернул рукой, захрипел и чуть не утратил сознание вновь. Но усилием воли удержался.

Ощущение присутствия рядом живого человека исчезло. Мальчик куда-то свалил. Что ему было нужно? Тишина сохранялась минут пять, а может, веч-

ность. Я успел проанализировать, что с телом. И дело было дрянь.

Рана в плече, откуда пусть и медленно, но текла кровь. Допускаю, что медленно не потому, что рана слабая, а потому что значимая часть алой жидкости покинула меня. То-то я едва шевелиться могу.

Дырка в плече болела ужасно. Как будто туда насыпали соли, ещё и ножом ковырялись. Учитывая, насколько мутная и вонючая вода, не удивлюсь, если умру от заражения. Но до этого ещё дожить надо. Пока мне грозит смерть от кровопотери.

Костлявая не унимается и предлагает безумцу, что пытается от неё сбежать, новые и новые варианты. Утонешь? Нет? Тогда кровопотеря? Что? Хочешь пожить и сопротивляешься? Тогда тебя зарежет обо-рванец. Нет? Он убежал? Тогда умрешь от заражения, рана загноится, и смерть будет мучительней. Зачем ты противишься, глупец?

Не сегодня, — отвечал я смерти. У меня ещё есть дела. Обещаю, если выживу, то отправлю тебе пару душ раньше срока. Выживу, стану сильным, раскрою потенциал, которым наделил неизвестный, вернусь в свой мир и тогда сполна расплачусь с тобой, смерть. Ты же знаешь, воины моего рода всегда выполняют обещания.

Смерть улыбнулась и отошла в сторону.

Не знаю, сколько я провалился в грязь. Утверждать, что был всё это время в сознании, — чрезмерная наглость для человека в моем положении.

Очнулся, когда ощутил, что рядом снова кто-то появился. В этот раз глаза открыть было проще. Небо застилали облака, солнце не слепило, я почти сразу разглядел тех, кто пришел по мою душу.

Женщина. Морщины испещряли её лицо, смотрела она внимательно и выглядела грязно. Она склонилась надо мной и заглянула в глаза. Рядом стояло штук пять мальчишек. В том числе тот, которого я уже видел.

Дама что-то сказала, но что именно — не понял. Подумалось, что если не буду понимать язык местных, то это осложнит мой и без того тернистый путь. Женщина повторила слова, пощелкала пальцами перед моим лицом. А потом что-то сказала мальчишкам, и те начали меня поднимать. Один из них дернул за руку, тело прострелила боль, и я опять отправился в небытие. Последнее, что услышал, — ругань женщины.

* * *

В какой миг переходит сознание из режима «никого нет дома» в осознание? В этот раз я осознал себя лежащим на чём-то твердом. Но этим не удивить. Приятно то, что это твердое оказалось сухим.

Спешка — удел глупых, говорил мне дед, когда отучал поддаваться эмоциям и требовал действовать разумно. Дергаться я не стал. Прислушался к телу, проанализировал ощущения и понял, что плечо перевязано и болит чуть меньше, чем ожидалось. Всё ещё ощущается большая слабость, но пока лежу — вполне терпимо.

Пахнет затхлостью, пылью и... бетоном. Рядом кто-либо отсутствовал. Приоткрыл глаза и осмотрелся, где нахожусь и в каком статусе. По внешнему виду — оказался в подсобном помещении, которого никогда не касался уют.

Голый потолок, видны неровные швы уложенных плит. Стены — аналогично, разве что сложенные из